

Maticsák Sándor, A mordvin írásbeliség kezdetei (XVII—XVIII. század), Debrecen, Debreceni Egyetemi Kiadó, 2012. 237 c.

Кроме финно-угорских народов, которые обрели государственность (венгры, финны и эстонцы), древними письменными памятниками располагают только коми. Письменность остальных финно-угорских народов, например мордвы, насчитывает не более трех столетий.

Разбросанные по разным источникам письменные сведения о мордовских (эрзянском и мокшанском) языках известны с конца XVII — начала XVIII веков. Во времена Екатерины Великой началось регулярное освоение белых пятен на карте Российской империи: Петербургская академия наук посылала одну за другой экспедиции с целью описать и исследовать места обитания, язык и обычаи малых народов, проживающих в отдаленных уголках империи по обе стороны Урала.

Первые письменные памятники это в основном списки слов, а также некоторые короткие тексты. Исследование мордовской письменности началось по инициативе ученых носителей мордовского языка. Важнейшие источники описаны А. П. Феоктистовым (Мордовские языки и диалекты в историко-географической литературе XVII—XVIII вв. — Очерки мордовских диалектов II, Саранск 1963; Истоки мордовской письменности, Москва 1968; Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков, Москва 1976). Работая в архивах, А. П. Феоктистов обнаружил еще несколько важных источников. Можно полагать, что в недрах российских архивов таятся и другие памятники мордовской письменности, главным образом тексты. Работа исследователей-мордвинцев поначалу ограничивалась их публикацией. Указывались место и условия происхождения источников, делались попытки определить диалект, на котором был записан текст. Более подробного анализа, как правило, не проводилось, хотя это и представило

бы интерес. Первые попытки в отношении более поздних письменных текстов, особенно переводов Библии XIX века, связаны со становлением, организацией и обновлением языка. В литературных языках, созданных в 1920-е годы, и сегодня можно обнаружить следы таких попыток. Именно эта проблема интересует Шандора Матичака.

Книгу, посвященную памяти своего учителя А. П. Феоктистова, автор делит на 10 глав. В первой, вводной главе (Rokonáink a Volga-vidéken, с. 3—8 [Наши родственники в Среднем Поволжье]) он коротко знакомит с анализируемым языковым материалом и периодизацией письменных памятников.

Вторая глава (Az aburtól a Vocabularium Sibiricumig, с. 9—16 [От абура до Vocabularium Sibiricum]) содержит перечень старейших письменных источников. Как известно, тексты Нового Завета не дошли лишь до самодийцев, в становлении литературных языков других родственных венгерскому народов важную роль сыграли именно переводы библейских материалов. В этом процессе большую роль сыграли церковные просветительские центры, особенно нижнегородский и казанский.

В третьей главе рецензируемой работы (A kartográfus, a kapitány és a püspök, с. 17—38 [Картограф, капитан и епископ]) анализируется мордовская письменность раннего периода. Автор представляет списки слов и словари XVII—XVIII веков. Начинаются они с работ Николаса Витсена, Даниила Готлиба Мессершмидта и Филиппа Юхана фон Страленберга. Подробно анализируется материал, собранный экспедициями Мюллера, Фишера и Рычкова. Затем следует самый известный источник — словарь Палласа (Linguarum totius vocabularia comparativa. Сравнительные словари всех язы-

ков и наречий, Санкт-Петербург 1786—1787); просматриваются списки слов Фалька и Георги. Шандор Матичак обращается и к менее известным источникам, таким как работы Масленицкого, Бекдорина и Симилийского, а также к произведениям неизвестных авторов. Словарь епископа Дамаскина в заключительной главе работы анализируется с тщательностью, которая может послужить примером для подобного рода анализов. Затем автор кратко знакомит с церковными текстами XVIII века.

В четвертой главе (с. 39—56) перечисляются и рассматриваются первые слова списка Витсена (*scholka* 'нос', *schobdava* 'утро', *schumbas* 'заяц'). Можно себе представить, какие трудности преодолевали первые ученые при описании языка, ведь они не располагали ни предварительными знаниями об анализируемом языке, ни лингвистической подготовкой. Неудивительно, что запись звуков речи и «орфография» у них непоследовательны. Звуки мокшанского языка со сложными признаками артикуляции были неуловимы для голландского уха. Автор монографии рассказывает о практике записи речи Витсеном, непоследовательностях и даже ошибках в его работе. Голландец Витсен пытался записать звуки незнакомого языка с помощью букв латинского алфавита. Ш. Матичак приводит семантическую группировку слов, их диалектную принадлежность и этимологическую классификацию, пропорции русских элементов. С помощью такого метода он анализирует и другие письменные памятники.

Пятая глава (*Felkelő holdisten, lemenő napisten, tápláljatok, óvjatok!*, с. 57—71 [Восходящий месяц, заходящее солнце, кормите, оберегайте!]) посвящена первым предложениям, записанным на мордовском языке. Первый текст записан Лепехиным в 1768 году, уже кириллицей. Этот факт, естественно, не принес облегчения! Ш. Матичак разбирает текст молитвы на части и подробно анализирует слово за словом.

В шестой главе (*Őn, Cáranya, nagyon jó!*, с. 73—90 [Вы, Царица очень добры!]) рассматривается первый текст из 35 слов. Это приветствие по поводу казанского визита царицы в 1767 году, переведенное на несколько языков. Анализ мордовского текста Матичаком гораздо подробнее анализа Феоктистова, первым опубликовавшего это приветствие.

В седьмой главе (*Jó szándékkal kívánunk jó egészséget!*, с. 91—108 [С наилучшими пожеланиями доброго здоровья (вам)!]) рассматривается первое «стихотворение» на мокшанском языке, автор которого, по мнению Феоктистова, не владел мокшанским языком в совершенстве. Это стихотворение, как и упомянутый текст, написано по поводу основания главного казанского управления в 1781 году и переведено на несколько языков.

В восьмой главе (*Őrizz meg minket a Sátántól!*, с. 109—129 [Обереги нас от шайтана!]) анализируется первый перевод «Отче наш» на эрзянский язык. Дальнейшие изменения этого текста рассматриваются в девятой главе (*A kísértéstől a bajig*, с. 131—154 [От искушения до беды]), где приведены примеры лексического новаторства в осуществлении перевода данной молитвы с помощью метода параллельного анализа. Первые переводы до мельчайших подробностей сопоставляются с более поздними вариантами XIX и даже XX века, а также с самыми новейшими. Тексты почерпнуты из следующих источников: конец XVIII века (Евангелие от Матвея), 1821 год (Евангелие от Луки), 1870, 1882, 1889, 1894, 1993, 1996, 2006. В ходе анализа автор сравнивает варианты всех десяти источников. Особенно трудную задачу для переводчиков всех времен представляет передача следующего фрагмента молитвы: *et dimitte nobis debita nostra, sicut et mos dimittimus debitoribus nostris*. На современный русский язык он переводится как 'и прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим'. В греческом оригинале фигурируют слова 'долг' и 'должник', в финском тоже 'долг' (*velka*) и 'долж-

ник' (*velallinen*), как и в эстонском (*võlg* и *võlglane*), а в венгерском — 'грех' и 'грешник' (*bűn* и *vétkéző*). Почему в мордовском языке появляется схожий с венгерским перевод, загадка. Весьма поучителен опыт работы переводчиков разных времен.

В последней, десятой главе (*Tölgykakas, tengeri disznó és lusta ló*, с. 155—193 [Дубовый петух, морская свинья и ленивая лошадь]) подробно рассматриваются реформы языка епископа Дамаскина. Рукопись издана А. П. Феоктистовым (*Русско-мордовский словарь*, Москва 1971), он же интерпретировал латинскую запись. Ш. Матичак подробно рассматривает словарный материал, а также значение странных слов в заглавии: *тумо атяки* 'орел' (досл. 'дуб + петух'), *ине вядень туво* 'дельфин' (досл. 'большая + морская/водная + свинья'), *нузякс лишме* 'осел' (досл. 'ленивая + лошадь'). Он распределяет названия по семантическим группам, таким как церковь, религия, экономика, государственные органы, право, учреждения, социальные группы, армия, род занятий, семья и родственники, коммуникация, образование и наука, искусство, названия растений и животных, утилитарных предметов и т. д.

Группа переводчиков под руководством Дамаскина стремилась максимально передать русские слова с помощью мордовских выражений или, по возможности, описать обозначаемые понятия. Интересна семантическая группа, в которую входят признаки абстрактных выражений. Анализ текста завершают грамматический и морфологический анализы. Словарь Дамаскина — непревзойденное достижение лексикографии. Большая часть его лексических новаций была забыта, однако многие пережили новатора и используются по сей день. Выявление этих элементов — самый значительный результат исследования Ш. Матичака.

Работу с монографией значительно облегчает предметный указатель, часть единиц в котором записана кириллицей, но используется и латиница. Монографию завершают обширный список литературы и интернет-источников (с. 225—234), а также список сокращений (с. 235—236).

Итак, автор анализирует семантические группы, диалектную и этимологическую принадлежность рассматриваемых слов, пропорцию русских и мордовских элементов. Проводится логическое и ритмическое членение текста, рассматриваются морфологические и семантические проблемы происхождения лексического материала и замены русских элементов неологизмами.

Ш. Матичак использовал все доступные ему источники. Важную роль сыграла доступность текстов в интернете. Его исследование призвано помочь мордовским лингвистам в решении спорных вопросов и проведении дальнейших исследований.

Попытка обновления языка одного из европейских национальных меньшинств может послужить примером для народов Евросоюза. Важной представляется публикация работы на русском языке для лингвистов, историков, специалистов, которые занимаются языковой политикой.

ЛАСЛО КЕРЕТЕШ (Debrecen)

Address

László Keresztes
Debrecen

E-mail: keresztes.laszlo@arts.unideb.hu